

Хурару Байд



Четверзу  
в парке



BYBLOS

Хилари Бойд  
**Четверги в парке**

«Библос»

2011

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44

**Бойд Х.**

Четверги в парке / Х. Бойд — «Библос», 2011

ISBN 978-5-905641-73-2

Что делать, если ты прожила с мужем полжизни, а он вдруг покидает супружеское ложе – навсегда? Когда такое произошло с Джини, она была вне себя от гнева и обиды и решила открыто поговорить с Джорджем, с которым они женаты уже тридцать лет. Он влюблен в другую? Или она сделала что-то не так? Но муж отмалчивается. Единственной радостью для нее остается внучка, с которой она ходит гулять в парк по четвергам. Именно там, на детской площадке, она однажды знакомится с Рэем и его внуком. Рэй доброжелательный, ей с ним легко и интересно, и в сравнении с Джорджем он просто великолепен. Вскоре эти встречи по четвергам становятся смыслом ее жизни. Но хватит ли ей мужества – невзирая на противодействие и осуждение окружающих – в корне изменить свою жизнь ради любви? Эта книга вошла в ТОП продаж Amazon.co.uk, права на издание проданы более чем в 20 стран Европы и в США.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-905641-73-2

© Бойд Х., 2011

© Библос, 2011

# Содержание

I	6
II	11
III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

# Хилари Бойд

## Четверги в парке

Hilary Boyd

Thursdays In The Park

© Hilary Boyd, 2011.

© Helena Branch, дизайн обложки, 2015, 2020.

© ООО «Библиос», авторизованный перевод

## I

– Тебе не стоит столько пить, – прошептал Джордж, нарушая покой жаркой летней ночи, когда они возвращались домой по безлюдной улице.

– Всего три бокала, – возразила Джини. – Я же не пьяна.

Она открыла дверь и прошла на кухню. Стояла невыносимая жара, даже в половине одиннадцатого вечера. Швырнув ключи и сумочку на стол, она распахнула высокие французские окна, выходящие на террасу.

– Чертовски неловко, ты так кричишь и шумишь, когда выпьешь, – продолжал Джордж, словно она ничего не говорила. – Как будто кого-то интересует тестирование витаминов. Если бы ты не напилась, то заметила бы, как твой собеседник зевал от скуки.

Джини посмотрела на мужа, издевка в его тоне задела ее. Он был напряжен весь вечер, что ему совершенно не свойственно, и раздражителен – еще до поездки к Марии и Тони. Потом, едва они допили кофе, Джордж вскочил, сказав, что им пора, якобы рано утром у него встреча, хотя она знала, что это не так.

– Я не была пьяна, Джордж. И сейчас не пьяна. Это он меня расспрашивал, – сказала она тихо.

Джордж взял ключи, которые она кинула на стол, и повесил их на крючок в прихожей. Над каждым крючком висела подпись, выведенная аккуратным, ровным почерком Джорджа: Джордж – Д, Джини – Д, Джордж – М, Джини – М, Запасной Д, Запасной М, чтобы у каждого ключа – от дома и машины – было свое место.

– Давай пропустим по стаканчику на свежем воздухе. Слишком жарко, чтобы спать, – взглянула она на мужа, пытаясь понять, простил он ее или нет, но тот напряженно уставился в пустоту.

– Уверен, он решил, что ты с ним флиртуешь, – не унимался Джордж, пристально взглянув на жену.

– Ради всего святого! – У Джини перехватило дыхание, она отвернулась, покраснев, хотя и не чувствовала за собой вины – ее тощий, долговязый, с тусклыми зубами собеседник был, безусловно, приятным человеком, но никак не мог стать объектом вожделения. Ей стало тревожно. Она ненавидела конфликты. Воспитанная в доме приходского священника в унылом, промозглом Норфолке, она видела, как ее мать мирилась с грубыми, деспотичными выходками отца, никогда не оспаривая его права оскорблять ее. Джини всегда боялась отца, но надеялась, что однажды ее мать наконец-то «взорвется», восстанет против его тирании, и клялась, что никогда никому не позволит так обращаться с собой. Мягкий, спокойный Джордж, казалось, не имел ничего общего с ее отцом.

Джордж поднял брови.

– Ты покраснела.

Джини глубоко вдохнула.

– Давай по бокалу «Арманьяка» и посидим на веранде, остынем, – произнесла она, ненавидя себя за свой вкрадчивый тон. – Ты же видел его, – добавила она неуверенно, направляясь к террасе. Тревога неприятно сжимала ей сердце, и Джини почувствовала усталость.

– Лучше я пойду наверх, – сказал он, но не двинулся с места; просто стоял посреди кухни, долговязый, неуклюжий и печальный. Мысленно он был далеко; конечно, нелепая ссора из-за ужина была забыта.

– Джордж, что случилось? Что с тобой? – она подошла к нему и заглянула в лицо. Ее поразило безмерное отчаяние в его карих глазах, которого она никогда раньше не замечала. – Джордж?

Секунду он смотрел на нее, замерев. Он хотел что-то сказать, но внезапно отвернулся.

– Что-то случилось сегодня?

– Все хорошо... хорошо, – перебил он ее. – Ничего не случилось. Что могло случиться?

Она видела, как в смятении его лицо исказилось, словно пытаясь изобразить спокойствие. Джордж направился к лестнице.

– Идешь? – буркнул он.

\* \* \*

В спальне было душно, хотя окна весь день оставались открытыми настежь. Джини опустилась на кровать, Джордж подошел к ней, коснулся пальцем ее щеки, губ и медленно повел рукой вниз, едва сдерживая желание. Она не хотела его, но в его ласках было что-то столь решительное и упрямое, чему сложно было противостоять. Нельзя сказать, что они занимались любовью; это вообще не имело ничего общего с ней; на месте Джини мог быть кто угодно. У нее даже появилось странное чувство, что оба они не здесь – обнаженные на жаркой, влажной простыне. Это походило на удаленное занятие, механическое, анонимное упражнение.

Внезапно, не произнося ни слова, Джордж отскочил, прижавшись к деревянному изголовью кровати, будто по простыне прополз скорпион.

Джини прищурилась в темноте.

– В чем дело, что случилось?

Ее муж молча спрыгнул с кровати и включил ночник. Он стоял голый, обхватив себя руками, и смотрел на жену. Она с трудом сдержала отвращение, увидев его карие глаза такими холодными, пустыми.

– Я... не могу..., – он говорил медленно, осторожно, словно тщательно подбирая каждое слово.

Джини потянулась к нему, но он выставил руку, будто защищаясь, хотя она едва сдвинулась с места. Другой рукой он подобрал свои темно-синие пижамные штаны и прижал их к себе, как щит.

– Я не понимаю, Джордж. Что ты хочешь сказать? – едва дыша, Джини приподнялась и взглянула ему прямо в глаза.

Джордж не отвечал, просто стоял.

– Я хочу сказать..., – заговорил он, словно терпящий кораблекрушение, но отказывающийся от помощи. – Я так больше не могу.

– Чего ты не можешь, Джордж?

Он отвернулся, взял очки с ночного столика и направился к двери.

Джини вскочила и бросилась за ним.

– Куда ты, Джордж? Ты не можешь вот так бросить меня. Дело во мне? Пожалуйста, скажи...

Но Джордж оттолкнул ее, даже не взглянув.

– Посплю в гостевой.

«Я так больше не могу». Его слова не давали ей покоя, пока она лежала одна на смятой постели, потрясенная и растерянная. Они прожили вместе двадцать два года, и их жизнь всегда была размеренной, даже немного скучной. Они никогда не спорили, Джини всегда мирилась с совершенно безвредным желанием Джорджа контролировать ее. А сегодня у нее было такое чувство, словно незаметно для самой себя она оказалась на вершине вулкана, который вдруг неожиданно решил взорваться. Что нашло на ее мужа?

\* \* \*

Утром Джордж вел себя так, словно ничего не случилось. Она в ночнушке спустилась в залитую солнцем кухню и увидела, как он расставляет стаканы и тарелки, баночку с джемом, масленку с крышкой в виде коровы, как и всегда.

– Что произошло ночью? – спросила измученная Джини, тяжело опускаясь на стул.

Он удивленно взглянул на нее, продолжая наполнять водой чайник из нержавеющей стали.

– Ничего. Просто я устал.

– И все? – изумилась она. – Больше тебе нечего сказать?

Не выпуская из рук чайник, он недоуменно посмотрел на нее.

– Только, пожалуйста, не драматизируй, как обычно, Джини. У меня столько работы. Я же сказал, что устал.

Он поставил чайник на подставку и аккуратно нажал кнопку, пригладив бордовый галстук на безупречно белой рубашке и заправив его кончик в полосатые брюки на красных подтяжках.

Джини молчала. Может, ей все это показалось.

– Джордж, ты сбежал от меня ночью, будто у меня неожиданно выросло десять голов. Тут не нужно ничего драматизировать.

Джордж обошел вокруг стола за ее спиной, и когда он мимоходом поцеловал ее в голову, она уловила легкий запах пены для бритья, которую она купила ему на Рождество.

– Не хочу говорить об этом, – он открыл холодильник. – Сок? Я сварю тебе яйцо.

\* \* \*

С тех пор Джордж не возвращался на супружеское ложе, где сейчас, десять лет спустя, лежала Джини, прислушиваясь к уверенным шагам мужа у нее над головой. Было не больше половины шестого утра, но Джордж уже опаздывал. Она мысленно проследила его привычный путь до ванной, услышала, как он пустил воду, как вода потекла по трубам, потом он зашагал по спальне, выбирая одежду. За тридцать два года брака его распорядок дня ни разу не менялся, но после той ужасной ночи она уже не могла участвовать в этом действе. Она и сегодня не понимала, почему он поступил так. Сначала она почти каждый день умоляла его объяснить. Если он боится потерпеть неудачу, с этим страхом можно справиться. Если это она сделала что-то не так, пусть скажет. *«Пожалуйста, вернись в нашу постель, Джордж, пожалуйста»* – она упрашивала, уговаривала, унижалась, чтобы вернуть все, как было.

Та ночь разверзла между ними гигантскую пропасть, отзывалась болью на повседневном общении, однако Джордж не проронил ни слова и категорически отказывался касаться этой темы – не было никакой причины, она ни при чем, и он не может говорить об этом. Джини так устала от постоянного напряжения, что в какой-то момент просто сдалась и никому ничего не сказала, даже своей лучшей подруге Рите, потому что, как это ни странно, ей было стыдно. Конечно, несмотря на заверения Джорджа в обратном, все дело, наверняка, в ее недостаточной сексуальности.

Терзаясь сомнениями, Джини больше ни разу не попыталась «совратить» его. Лишь однажды, примерно год спустя, когда оба много выпили, он пошел за Джини в спальню, которая теперь принадлежала только ей, и они, пьяные, принялись возиться на кровати прямо в одежде. Но почти сразу же, даже несмотря на туман в голове, она почувствовала мучительную нерешительность в ласках своего мужа. Его рука дрожала, едва касаясь ее кожи, а тело отстранялось от нее, даже когда он целовал ее в губы. А потом, как и раньше, заслонка опустилась,

и он оттолкнул ее, словно она порочная соблазнительница, быстро и молча слез с кровати и вышел вон.

Их брак выдержал это. Она привыкла, хотя и не сразу: медленно и мучительно чувства угасали, а гнев Джини на молчание мужа – которое раздражало больше, чем случившееся, – стал сдержанным, оправданным, неизбежной жертвой ради сохранения брака. Жертвенность играла важнейшую роль в ее детские годы: *«Христос умер, чтобы мы жили. Помните это и благодарите. Аминь»*. – любимая молитва ее отца. Фанатично набожный, преподобный Дикенсон строил свою жизнь на суровом и безрадостном долге, требуя того же от семьи, которая безмолвно ожидала, когда он провозгласит свою непреклонную волю.

Вскоре после этого Джордж купил ей помещение под магазин, вероятно, в качестве некоей абсурдной компенсации, и она с головой ушла в бизнес, полная энергии и энтузиазма. И добилась успеха. Магазин экологически чистых продуктов «Pomegranate» располагался на полпути к Хайгейт-Хилл. Там продавались обычные витамины, лечебные травы, текстиль, а также натуральные овощи, сыры, свежие соки и фруктовые коктейли, вкусный цельнозерновой хлеб и гастрономические продукты. Со временем у Джини появились постоянные клиенты, даже такие, которые приезжали к ней издалека, кроме того, ее сэндвичи продавались по дороге в Хемпстед-Хит, где обычно устраивали пикники.

\* \* \*

Она, наверное, задремала, ее разбудил голос: «Доброе утро». Джордж аккуратно поставил кружку горячего чая на ночной столик.

– Какой чудесный день, – он раздвинул тяжелые занавеси, и весеннее солнце залило комнату, потом подошел к Джини, улыбаясь. Его седые волосы были тщательно уложены, очки в черепашьей оправе перекошились, как всегда, – одна дужка была выше другой, так им показалось много лет назад, хотя внешне это было незаметно, – отчего он казался таким ранимым и незащищенным.

– Какие планы на сегодня?

Она зевнула.

– Собеседование с новой работницей в магазине. Йола уже не доверяет себе, после последней неудачи. Потом встреча с новым поставщиком обедов для вегетарианцев; потом предстоит найти недорогой прилавок для охлажденных продуктов – наш старый, который стоит возле окна, долго не протянет. А потом Элли.

Они оба улыбнулись, подумав о внучке.

– А ты чем займешься?

Джордж направился к двери своей обычной неуклюжей походкой.

– У меня дел не так много, как у тебя, старушка. Гольф после обеда. Обними за меня нашу очаровательную девчушку.

Он хотел казаться веселым, но она заметила – с тех пор, как пять лет назад страховая компания, где он работал еще с самого детства, «предложила» ему пораньше выйти на пенсию, – желание казаться занятым. Лишь однажды Джордж намекнул на это через несколько месяцев после ухода с работы: он ощущал себя «запчастью», так он это называл. Но между ними кое-что изменилось. Сначала она чувствовала себя почти что виноватой, с воодушевлением отправляясь каждый день на работу и оставляя его одного, когда единственным его развлечением был гольф. Однако он взял себя в руки, вернулся к старому хобби, которым увлекался еще в юности, – покупал старые часы, разбирал их и чинил, и вскоре они наводнили весь дом: отовсюду доносилось тиканье, в основном вразнобой, будто полки и комоды ожили. Только в спальне Джини было тихо. Но она чувствовала, что навязчивый характер ее мужа, сдерживаемый благодаря ее успешной карьере, постепенно берет верх. А вместе с ним и раз-

дражающее желание контролировать ее. Это всегда стояло между ними, но с недавних пор повода для шуток не осталось.

## II

Когда после обеда Джини завернула за угол и вышла на улицу, где жила ее дочь Шанти, настроение у нее заметно ухудшилось. Если бы Шанти оказалась дома, все было бы замечательно: Джини и ее зять Алекс знали, как вести себя при других. Но Шанти наверняка на студии, она редактор документальных фильмов на Канале 4 – и работает двадцать пять часов в сутки. Когда они с Алексом оставались одни, их отношения больше напоминали «холодную войну».

Она поднялась по ступенькам викторианского дома с террасой, отодвинув пустой зеленый контейнер, который мусорщики бросили прямо на дорожке.

«Джин. Заходите», – ее зять изобразил вялую улыбку и подвинулся, чтобы дать ей пройти.

«*Интересно, это обязательно, чтобы художники так плохо пахли?*» – подумала Джини, задержав дыхание, чтобы не чувствовать спертый запах пота, исходящий от измазанной краской футболки Алекса. И в сотый раз: «*Что Шанти в нем нашла?*». Она понимала, что когда-то он был красавчиком: большие голубые глаза и черные как смоль кудри, и, без всякого сомнения, он умел быть обаятельным, когда хотел. Но она считала его эгоистом, вздорным и раздражительным, словно весь мир у него в долгу. Ему было уже около сорока, внешность, которой он пользовался с большой выгодой для себя, изменилась, хотя он до сих пор вел себя так, как будто все осталось по-прежнему.

Джини забыла о своем зяте, как только в комнату вбежала ее двухлетняя внучка с улыбкой до ушей и огромными блестящими карими глазами; она протянула к ней ручки: «Джин, Джин...».

Джини взяла девочку на руки и крепко обняла ее, прижавшись носом к нежной, душистой коже ребенка.

– Как дела, Алекс?

Алекс пожал плечами.

– Никогда не мечтал возиться с ребенком.

Джини сдержалась; она не могла позволить себе вспылить, особенно при Элли.

– Когда же выставка? Скоро, да? – спросила она весело.

У нее и в мыслях не было уколоть его; она просто поддерживала беседу, но его язвительная улыбка говорила о том, что он принял это как оскорбление.

– Я отложил ее.

Джини отвернулась и стала собирать куртку и обувь Элли.

– О... какая жалость, – произнесла она мягко. – Идем, – позвала она Элли, – возьмем твою куртку и пойдем в парк кормить уток.

– Нет смысла делать что-то из-под палки. Когда будет готово, тогда и будет готово. Мне нужно время.

Он стоял, прислонившись к камину в гостиной, и разглагольствовал так, будто развлекал гостей на вечеринке. В комнате с покрытым выцветшей циновкой паркетом было мало мебели: большой коричневый кожаный диван, стильное бледно-оранжевое конрановское кресло с деревянными подлокотниками и табуретка с мягким сиденьем. Был здесь и гигантский телевизор с плоским экраном.

Джини знала, что отчасти это стилистическое решение, главным украшением интерьера служили картины – разноцветные и в основном абстрактные, а также модное прямоугольное зеркало над камином. Они, очевидно, решили, что пока Элли маленькая, бессмысленно покупать то, что может упасть, разбиться или причинить вред ребенку.

Джини кипела от возмущения: «Время? Ему нужно время?». Этот высокомерный, сладкий бездельник, пользующийся любовью Шанти, которая кормит, одевает его, платит за дом, ни разу еще не выложил даже пенни и к тому же вечно недоволен своей красавицей-дочкой, и он еще имеет наглость жаловаться на «время»! Более того, его картины казались ей всего лишь абстрактной ерундой, подражанием Ходжкину.

– Мы вернемся к пяти, – попыталась улыбнуться Джини, но почувствовала, что гнев пылает на ее лице, как неоновая вывеска.

– Конечно... когда хотите... увидимся, дорогая, – Алекс наклонился поцеловать дочь в макушку, избегая взгляда своей тещи.

\* \* \*

«Много, много птичек запекли в пирог: семьдесят синичек, сорок семь сорок», – пела Джини внучке, пока они шли к парку. Она сознавала, что вела себя, как ребенок, но не могла забыть, как Шанти на восьмом месяце беременности, упала без чувств в родительской кухне, сжимая в руках чудовищную записку от Алекса:

*«Мне это не подходит,  
Я не готов стать отцом, я еще столько хочу достичь.  
Пожалуйста, прости меня.  
Я люблю тебя, но это ужасная ошибка.*

*Алекс».*

Никаких терзаний, спешки, что, по мнению Джини, лишь усугубляло оскорбление. Нет, послание было написано четко, аккуратно, витиеватым почерком – черным на кремовой бумаге, поэтому больше напоминало приглашение на вечеринку.

Шанти буквально задыхалась, и пока вызванная Джорджем скорая мчалась к реанимации, роды уже начались. Значит, этот человек, которого она должна была принять, и даже полюбить, – подверг опасности жизнь своей дочери и дочери Джини из-за собственного эгоизма.

Но Элли все изменила. Девочка провела сорок восемь часов в инкубаторе, пока у нее не стабилизировалось дыхание, но она никогда не была слабенькой. И в этом нет заслуги Алекса.

«Еще, еще, Джин», – упрашивала Элли. И Джини спела еще раз, с умилением наблюдая, как светлые кудряшки Элли подпрыгивают в такт песенке.

Но если Шанти решила простить его, да и Джордж – он никогда долго не размышлял о таких вещах – сумел пережить это, то Джини не смогла. Каждый раз, видя зятя, она вспоминала залитое слезами лицо своей дочери, которой несколько месяцев приходилось справляться с малышкой одной, пока Алекс не соизволил вернуться.

\* \* \*

На детской площадке не было никого, кроме мальчика лет четырех и его отца, которые носились вокруг карусели, крутили ее изо всех сил и хохотали от всей души.

«Кач, кач, идем». Выбравшись из коляски, Элли побежала прямо к качелям. Опыт подсказывал Джини, что это может длиться часами, ее внучка впадала чуть ли не в транс, когда качалась, и всегда просила бабушку: «Выше, выше!», стоило Джини отвлечься.

Но сегодня Элли была зачарована не качелями, а мальчиком и его отцом. Ее лицо озарилось улыбкой, когда она наблюдала за их проделками. И вдруг мальчик выпустил голубой поручень карусели и помчался через всю площадку за мячиком, свернув как раз к качелям Элли. Джини услышала крик «Дилан!» и в ту же минуту рванулась к сиденью и резко остано-

вила качели, как раз в тот момент, когда мальчик беззаботно промчался мимо них, даже не подозревая, какой опасной травмой он избежал.

«Дилан!» Джини обернулась и увидела лицо мужчины, бледное и испуганное, он подбежал к сыну и, вместо того чтобы ругать его, крепко обнял мальчика, пока тот не вывернулся, бросившись к мячику.

Мужчина встал. Его движения при таком плотном телосложении казались на удивление изящными и легкими. Джини смотрела, как он ерошит свои седеющие, коротко остриженные золотистые волосы таким движением, будто ребенок гладит любимую игрушку.

– Спасибо, – сказал он. – Огромное спасибо.

Джини, пожав плечами, улыбнулась.

– Такое часто случается.

– С Диланом такого не должно быть, никогда, – в его голосе чувствовалось чуть ли не отчаяние.

– С вашим сыном все в порядке, его даже не задело, – успокаивала она, подумав, что он, наверное, первый раз гуляет с ребенком, раз так сильно переживает.

Мужчина не сразу понял ее.

– Нет-нет, это не мой сын, это мой внук. Дилан – сын моей дочери. Вы, наверное, догадались, что я не часто гуляю с ним. На самом деле она только четыре раза позволяла мне забирать его. – Он глубоко вздохнул. – И, думаю, это был бы последний раз, если бы он ударился об качели.

– Сними, сними, Джин, – заныла Элли. Ей понравился мяч Дилана. Джини сняла ее с качелей, она побежала и, стесняясь, остановилась около большого мальчика.

– Дай малышке тоже поиграть, – попросил его дед, но Дилан не обратил на его слова никакого внимания.

– А вашей дочери сколько лет?

Джини рассмеялась.

– Один-один! Элли моя внучка, ей два с хвостиком.

Он тоже рассмеялся и замахал руками.

– Я совершенно не пытался вам льстить, честно. Просто предположил, – сказал он, смущенно отворачиваясь.

Повисла неловкая тишина, и Джини поискала глазами свою внучку, которая теперь бегала за Диланом и его мячиком, визжа от восторга каждый раз, когда он позволял ей догнать его.

– Странно все это – внуки, – сказал мужчина, глядя на мальчика. – Не думал, что это будет так важно для меня. – Он словно разговаривал сам с собой. – Но оказалось, что он мне дороже жизни.

Эти слова удивили Джини, не потому что она не верила в их искренность – или сентиментальное настроение, если на то пошло, – а потому, что такие глубоко личные переживания не доверяют совершенно незнакомому человеку.

– Понимаю, понимаю вас, – ответила она, потому что ее тоже переполняли чувства к внучке с тех первых минут, когда она держала Элли на руках в больнице, пока готовили инкубатор для этого маленького существа. Это была любовь с первого взгляда.

– Может, потому что мы еще не чувствуем себя старыми, – заметила она, улыбаясь.

Мужчина рассмеялся.

– Полностью согласен.

– Это как наркотик, – продолжала Джини. – Когда я не вижу ее несколько дней, у меня ломка начинается.

Она рассмеялась, внезапно смутившись от своей откровенности – очень по-английски. Потому что она была не из тех матерей, которые надоедают своим отпрыскам просьбами сде-

лать их бабушками. На самом деле, когда Шанти сказала, что беременна, Джини испугалась, боясь, что это событие нарушит ее плотный график.

Дилан подбежал к деду.

– Деда, она не отстает... мешает мне бить по мячу.

Мужчина пожал плечами.

– Она еще маленькая, Дилан. Будь добрее.

Мальчик посмотрел на него, нахмурившись, и Джини подумала, какой он красивый, со своей золотистой кожей и блестящими, зелеными глазами.

– Иди, – подтолкнул его дедушка, – поиграй с ней немного. С тебя не убудет.

Дилан побрел, ревностно прижимая мячик к груди.

– Красивый ребенок.

Он кивнул с гордостью.

– Как и ваша внучка.

Верно. Элли многое унаследовала от матери – сильная, светловолосая, целеустремленная – но ее ангельские белокурые кудряшки сочетались с большими, прозрачными карими глазами Джорджа.

– Нам пора, – позвала внучку Джини, направляясь к коляске.

– Может, еще увидимся, – сказал мужчина.

– Может.

– Я вожу Дилана гулять каждый четверг. Моя дочка работает, а няня ходит на радиотерапию по четвергам – у нее был рак груди.

– Надеюсь, она поправится, – вежливо ответила Джини.

– Зато у меня есть возможность видеться с Диланом, – продолжал мужчина и вдруг осекся. – Извините, это прозвучало грубо. Я вовсе не радуюсь тому, что у нее был рак...

– Конечно же, нет, – улыбнулась она, видя его смущение.

– Что ж, до свидания, – Джини поспешила забрать внучку, чтобы избавить мужчину от неловкого положения.

### III

Джини перемешала горячие макароны с томатным соусом и базиликом и выложила их в большую голубую глиняную миску. В просторной кухне было тихо, мягкими золотистыми лучами солнце освещало сад за высокими французскими окнами. Она любила ее больше всего, именно здесь они проводили почти все свободное время. Этот дом в Георгианском стиле казался Джини таким чопорным и мрачным, и хотя в комнатах с идеальными пропорциями были высокие потолки, он почему-то выглядел печальным. А вот кухня выходила на юг, и с тех пор как они сделали там большие окна с видом на террасу, она была залита светом. Джордж хотел установить плиту «Aga», когда они ремонтировали старую кухню, но Джини настояла на элегантной, современной плите «Bosh» и теплой терракотовой плитке вместо унылого линолеума. Теперь кухня стала светлой и чистой, зеркальный буфет был раскрашен в светло-голубой, как и карнизы и дверь.

Джордж казался задумчивым с тех пор, как вернулся с гольфа; он сидел молча за кухонным столом с бокалом красного вина в руке, мерно покачивая ногой в вельветовом тапке. Номер «Times» лежал перед ним на столе, но он не читал; он смотрел на жену.

– Почему ты так поздно вернулась? – спросил он.

Джини стало не по себе. «Опять», – подумала она.

– Я встречалась с новым производителем органического салата. В баре «Поттера». Я же тебе говорила.

– Ты сказала, что встреча в два. Ты же не могла провести там пять часов.

Муж буравил ее взглядом, словно хотел проникнуть ей в душу. Даже на расстоянии чувствовалось напряжение.

– Потом я вернулась в магазин. У меня были еще дела, – вздохнула она, с грохотом ставя миску с макаронами на стол.

– Ясно... и когда же ты вернулась в магазин?

– Прекрати, Джордж, пожалуйста.

Она всегда отвечала на абсурдные вопросы Джорджа, даже не задумываясь об этом, пока не вспоминала, что своими ответами лишь усугубляет его тревогу.

– Что прекратить? Я просто интересуюсь, как прошел твой день. Разве это не входит в обязанности мужа?

Он тяжело вздохнул, и Джини поняла, что допрос окончен – до поры до времени. Следует отдать ему должное – Джордж действительно старался контролировать себя, когда очередной приступ заканчивался.

– Как игра? – спросила она, кладя перед ним упаковку свежего «Пармезана», который взяла с витрины в собственном магазине. Обычно Джордж, поглощенный гольфом, развлекал ее историями о жульничествах своего партнера. Дэнни, если верить словам ее мужа, любил жульничать больше, чем играть в гольф.

Но в тот вечер Джордж только поправил очки на носу и взял сервировочную ложку, которую подала ему жена.

– Нормально. Дэнни выиграл, как всегда.

– И? – Джини посыпала свои макароны тертым сыром.

Она заметила, как муж глубоко вдохнул.

– Джини, – начал он и замолчал, потом положил руки на стол около тарелки, большими пальцами сжимая шершавую нижнюю часть стола. – Я тут подумал...

Джини нахмурилась, она ждала. Сегодня Джордж нагонял на нее тоску.

– Продолжай, – нетерпеливо попросила она молчавшего Джорджа. – Я уже волнуюсь.

– Я давно об этом думаю, и, наверное, время как раз подходящее, в следующем месяце ведь тебе будет шестьдесят.

Он снова умолк. Сердце Джини бешено колотилось. Неужели он сейчас скажет, что уходит от нее? Или последние десять лет у него есть любовница, и закат своих дней он хочет провести в ее объятиях, подумала она вдруг. Это многое объясняет. Она отмахнулась от мрачных мыслей.

– Да? – торопила она его.

– Ты помнишь, мы уже много лет собираемся подыскать загородный дом на выходные? Я подумал, и мне кажется, это неразумно – содержать два дома, когда мы с тобой только вдвоем.

Джини кивнула.

– Наверное, ты прав. Хотя, конечно, замечательно иметь такое место, куда можно было бы сбежать, но туда пришлось бы ездить каждые выходные, а по выходным я занята больше всего.

С минуту они ели молча.

– Я не совсем это имел в виду, – продолжал Джордж, отрывая маленькие кусочки хлеба и скатывая их в шарики.

Снова Джини ждала, озадаченная, пока ее муж неспешно, тщательно разжевывал макароны.

– Я имел в виду, что вместо коттеджа только на выходные нам стоит продать этот дом и переехать за город. Жить там.

– Что? – Джини остолбенела. – Продать дом? Ты серьезно?

Джордж прищурился, болтая вино в бокале и собираясь сделать большой глоток.

– Понимаю. Это серьезный шаг.

– Но этот дом принадлежал твоей семье не одно поколение!

– При чем тут это? – искренне удивился он.

– Куда же ты хочешь переехать? – Джини не знала, с чего начать, все это было как гром среди ясного неба. Джордж жил в этом нелепом, огромном доме на Хайгейт, когда они познакомились в семидесятые. Тогда он обитал на диване в комнате, которую называл утренней, среди книг и личных вещей своего больного дядюшки Рэймонда и понятия не имел, за что хвататься. Именно Джини взяла дело в свои руки, запрятала тяжеловесную викторианскую мебель на мансарду и оформила все в современном стиле – с яркими цветами и новомодными тканями. Она всегда считала, что Джорджу нравится тут жить, в отличие от нее.

– А как же магазин, я не могу его бросить, – продолжала Джини, все еще ошарашенная заявлением мужа.

– Ты ведь выйдешь на пенсию, когда тебе будет шестьдесят, да? Немного осталось, – ухмыльнулся он.

– На пенсию?

– Джини, через месяц тебе будет шестьдесят. Люди уходят на пенсию в этом возрасте, по крайней мере, женщины. Ты часто говорила, что магазин – сущий кошмар, что ты устаешь. Я уже давно на пенсии, – заметил он рассудительно.

Джини встала и принялась ходить взад-вперед, забыв об ужине.

– Ради всего святого, Джордж. Шестьдесят – это еще не старость в наши дни. К тому же только я должна решать, когда уходить, а не ты, – сверкнула она на него глазами.

– Я еще ничего не решил, успокойся, старушка, – покачал головой Джордж в замешательстве. – Я думал, тебе это понравится. Мы ведь только обсуждаем. Ты всегда говорила, что любишь бывать за городом.

– Хватит называть меня «старушкой». Ты ведь знаешь, я терпеть этого не могу, – она готова была сорваться. – Да, я люблю проводить за городом выходные, посидеть с книжкой, погулять. Но жить там я не хочу. Да и где? – спросила она снова.

Джордж вздохнул.

– В Дорсете, например, на побережье, может быть, на Лайм-Вэй. Там красиво. Джини уставилась на него.

– Так ты все уже обдумал, да?

Муж кивнул.

– Я хочу уехать из Лондона, Джини – нам здесь незачем оставаться. Там мы начнем все сначала – ты и я.

– Тебе было до смерти скучно, когда ты рос там, – напомнила Джини, будто и не слышала его слов. Она уже давно подозревала, что ему не нравится то, что она занимается бизнесом. Он никогда не говорил этого прямо, но намеков хватало.

– Да, но тогда я был подростком. Теперь все изменилось, как ты понимаешь. В нашем возрасте мы хотим от жизни уже совсем другого.

– Ты – может быть. А я нет, – возразила Джини. – А как же наши друзья, гольф? А как же Элли?

Она надеялась, что имя их внучки станет козырной картой, которая положит конец этому безумию.

– Элли сможет приезжать в гости, на выходные и каникулы. Ей там понравится, ей будет полезно выезжать из Лондона. А друзей мы новых заведем. В Дорсете есть даже поле для гольфа, представляешь, – Джордж ухмыльнулся. – Послушай, Джини, ты просто подумай, это все, о чем я прошу. Это же смешно – два старика, скучающие в этом огромном доме, а с тех пор как ушла миссис Миллер, здесь даже чисто уже не бывает. Мы могли бы тратить деньги с большей пользой.

– Деньги тут ни при чем, ты сам это прекрасно понимаешь. С уборкой проблемы, но их легко решить. У Йолы есть подруга, которая готова приходить к нам пару раз в неделю. Просто надо это организовать.

Он посмотрел на нее снисходительно, будто ее слова не имели никакого значения.

– Я мечтаю уехать отсюда, старушка.

Он говорил тихо, своим привычным обманчиво мягким тоном, но Джини с ужасом поняла, что вопрос решен.

– Я сказала, перестань так меня называть. Мы не старые, – пробормотала она чуть слышно. – Правда, Джордж, мы совсем еще не старые. Мы среднего возраста.

На этом обсуждение закончилось, но Джини провела бессонную ночь. Джордж всегда получал то, чего хотел. Этот дом принадлежал ему, и, если он решит продать его, она не сможет воспрепятствовать. В таких вопросах он был старомоден. Хотя она была деловой женщиной, владелицей успешного магазина натуральных продуктов, именно Джордж занимался всеми финансово-хозяйственными вопросами в их жизни. Он решал, куда вложить деньги, когда делать ремонт или расширять сад, покупать новую машину и, конечно, он оплачивал все счета. Она прекрасно могла бы сделать это сама, но он даже не думал поинтересоваться ее мнением. Неужели он действительно продаст дом без ее согласия, думала она, когда лучи восходящего солнца озарили небо и, как обычно, послышались осторожные шаги наверху.

\* \* \*

Шанти открыла дверь родителям: «Тс... Элли еще спит, она весь день капризничала. Мы в саду».

На цыпочках они прошли через дом на террасу, оформленную в бледных тонах согласно последней моде. Пасхальный обед на восемь человек был накрыт на кованом железном столе – белая скатерть, протертые до блеска фужеры и начищенные серебряные приборы изящно сияли в лучах апрельского солнца. Погода стояла на удивление теплая. Джини пожалела, что не взяла с собой солнечные очки.

– Привет, Алекс, – Джордж подошел, чтобы пожать руку зятю. Алекс сегодня постарался. Привычная потрепанная футболка уступила место мятой голубой рубашке, и от него, к радости Джини, пахло мылом, а не краской и застарелым потом.

– Мы ждем кого-то еще? – спросила Джини, указывая на стол.

– Мой старый школьный приятель, Марк, с женой и детьми. Ничего, что будут не только наши семьи? – настороженно спросил Алекс, будто ждал, что Джини возразит.

– Прекрасно. Мы ведь с ними еще не знакомы?

Шанти вынесла на террасу поднос с бокалами и бутылкой шампанского.

– Вряд ли, – сказала она, ставя поднос на стол. – Они прожили в Гонконге пять лет. Марк прилично заработал, и недавно они купили участок в Дорсете.

Джини бросила взгляд на Джорджа, ей вдруг показалось, что ее заманили в ловушку. Шанти прятала глаза. Алекс победоносно улыбался.

– Замечательно.

Она не собиралась глотать наживку, но Алекс не мог удержаться.

– Мы подумали, вам будет полезно завести друзей среди жителей юго-западных графств.

Джини взяла бокал шампанского и направилась к шезлонгу, стоявшему в тени вишневого дерева. Это несправедливо, подумала она.

– Просто замечательно, – повторила Джини, но напряжение сгущалось, словно грозовая туча.

Дочь присела на корточки перед ней.

– Мама, Алекс просто дразнит тебя. Мы пригласили Марка и Рейчел, потому что не виделись с ними с тех пор, как они вернулись, а не потому, что папа хочет переехать.

Джини улыбнулась, но на душе у нее было скверно.

– Не будем сейчас об этом, но почему ты так против? Элли бы понравилось... свежий воздух и простор. Ты бы видела ее чаще, чем сейчас, если бы бросила магазин...

– Если Элли нужен свежий воздух, почему бы тебе с Алексом не переехать в этот чертов Дорсет? – отрезала она.

Шанти проявила терпение.

– Не злись, мама, ты же знаешь, я не смогу быть выпускающим редактором из Дорсета, а мне надо работать.

Джини прикусила язык, чтобы не бросить оскорбительное замечание своему никчемному зятю.

– Мне тоже надо работать, – возразила она.

– Знаешь, у тебя нет такой необходимости.

– Финансово – нет, конечно же, нет. Но это важно для меня, я должна работать ради себя самой. – Нелепые слезы выступили у нее на глазах. – Твой отец уже списал нас со счетов, Шанти. Я не старуха; я, конечно, уже не девочка, но в этой старой калоше еще кипит жизнь.

Шанти улыбнулась.

– Конечно, мам, – согласилась она не совсем уверенно. – Ты выглядишь намного моложе своего возраста. Но переезд за город – это же не смерть. Тысячи людей живут там счастливо, понимаешь.

– Да, да, а еще там поле для гольфа.

Шанти не поняла.

– Мы думали, ты обрадуешься, что не придется так много работать.

В дверь позвонили, и Джини услышала плач Элли из спальни на втором этаже.

– Я пойду к ней.

Она поднялась с шезлонга и отправилась за внучкой.

\* \* \*

Магазин внезапно приобрел совершенно особое значение для Джини. Открывая его во вторник после Пасхи, она с любовью смотрела на коробки с пшеницей и шпинатом, стоявшие за дверью, на неизбежную лужу воды под витриной для охлажденных продуктов, помидоры «черри», которые за ночь успели подгнить, и думала о сроках годности, которые нужно без конца проверять. А когда приехала Йола и сказала, что новая девушка уволилась, не успев приступить к работе, Джини и глазом не моргнула. Да, управлять магазином тяжело, но ей это нравилось. Это ее дело, к тому же очень успешное.

В тот день, на Пасху, она не хотела говорить с Джорджем. Обед прошел замечательно: баранина получилась нежно-розовой, пудинг произвел фурор, друг Алекса и его жена оказались на удивление обаятельными, учитывая их дружбу с ее зятем. А сам Алекс был не таким раздражительным и грубым в их присутствии. Но Джини просто соблюдала приличия. Никто этого не заметил, кроме ее излишне проницательного зятя, но это одна из немногих привилегий зрелого возраста: способность притворяться.

Во вторник было много дел. Все вернулись после Пасхальных каникул, и до самого вечера у них с Йолой не было свободной минутки. Но пока она, улыбаясь, болтала с клиентами, заставляла полки, оформляла доставку, ее преследовала нависшая над ней тень, словно полузабытый сон.

Поэтому с огромной радостью она прочитала сообщение от своей подруги Риты: *«Корт наш в пять вечера сегодня. Приезжай, а то пожалеешь. Р.»*.

\* \* \*

Рита, высокая афро-американка атлетического телосложения, ждала ее на корте в Ватерлоо-парке. Небо затянули облака, поднялся холодный апрельский ветерок, но Рита разделась, чтобы продемонстрировать как всегда безупречное платье для тенниса и ослепительно-белые кроссовки. Джини, напротив, надела серые спортивные брюки и черную футболку. Силы у них были равны, так что еженедельная игра всегда превращалась в схватку не на жизнь, а на смерть. Рита, со своими длинными руками и убийственно хорошей подачей, превосходила в силе, но двигалась медленнее. Джини носилась по корту как молния, придумывала новые тактики, и ее удары были точнее. На протяжении многих лет ни одна из них не могла похвастаться безоговорочным преимуществом, поэтому каждая победа была особенно радостна и дорога.

Но сегодня Джини то и дело спотыкалась и чувствовала себя неуклюжей, будто кто-то сковал ей ноги.

– Бог ты мой! – крикнула Рита, выиграв первый сет. – Проснитесь, миссис Л., а то у меня такое чувство, будто я сама с собой играю.

Джини помахала ракеткой, извиняясь.

– Прости, прости, никак не сосредоточусь.

Второй сет прошел не лучше. Они собрали свои вещи раньше времени и уселись на свою любимую скамейку, откуда открывался вид на город вдаль. Солнце садилось, окутывая парк нежаркими мягкими лучами.

– Рассказывай, – потребовала Рита.

– Помнишь, мы хотели подыскать домик на выходные?

Рита кивнула.

– Так вот, Джорджу взбрело в голову, что этого недостаточно. Он хочет продать все и вообще уехать из Лондона. Он настроен крайне решительно, да еще вовлек в это всю семью.

Шанти стала донимать меня на Пасху. И Алекс. Они думают, вопрос уже решен: «Продай магазин, ты старая, тебе не нужно работать и так далее».

– Мерзавцы! Они не вправе указывать тебе, как жить. – фыркнула Рита и пристально посмотрела на подругу. – Ты ведь не поддашься, да?

– Они даже Элли использовали: сказали, ей будут полезны свежий воздух и простор, – покачала головой Джини.

– Смешно. Дети тут совсем ни при чем. Джордж не продаст дом без твоего согласия.

Муж Риты, Билл, всегда делал то, что она говорила, даже глазом не моргнув.

– Да и что он может? – продолжала Рита. – Потащит тебя в какую-то грязную пещеру за волосы?

– Может, ты бы уважала его больше, если бы он так поступил! – рассмеялась Джини.

Она знала, что Рита не против Джорджа, он даже нравится ей, но она никогда не понимала, почему Джини так часто уступает ему.

– Нет, серьезно, дорогая, что он сказал?

Джини вздохнула.

– Дело не в том, что он сказал о переезде, а в его отношении ко мне, к нам. Он действительно считает, что мы старые. Он так и сказал: «Теперь, когда мы состарились..., ты же не хочешь вечно возиться с этим магазином?». Уверена, ему не нравится, что я работаю. Он полагает, что как только я образумлюсь и уволюсь, мы с ним укатим в лучах заходящего солнца и будем жить счастливо до конца наших дней. Старички.

– С ума сойти, – рассмеялась Рита.

– Было бы не так плохо, если бы только он мучил меня, но когда родная дочь пытается избавиться от тебя, то начинаешь верить, что оба они правы, – взглянула она на обеспокоенное лицо подруги. – Я не чувствую себя старой, Рита. Я полна сил и жажды жизни. Конечно, я устаю быстрее, чем раньше, и, может, забываю больше, но мне кажется, что это не причина, потому что на самом деле на протяжении всей своей жизни я периодически уставала и что-то забывала.

Рита схватила ее за руку:

– Посмотри на меня, – приказала она. – Ты, Джини Лосан, не старая. Ты среднего возраста – что, возможно, хуже, если задуматься, – но даже если подключить все свое воображение, старой тебя не назовешь. Это просто невозможно! Я же твоя ровесница.

Джини сжала ее руку.

– Посмотри на себя. Ты же красавица. Никто бы не догадался, что ты почти пенсионерка.

Они обе рассмеялись.

– Большое спасибо.

– Но я серьезно. Тебе легко дашь сорок восемь.

– И что же мне делать?

– Дело ведь не в возрасте и не в переезде за город, правда? – На мгновение взгляд Риты задержался на лице подруги, и Джини поняла, что сейчас последует. – Пойдем, я замерзла.

Рите редко бывало тепло в этом «унылом климате».

– Только не начинай, – ответила Джини раздраженно.

– Что ж, дорогая, придется повторить еще. Прощлый раз ты меня не услышала. Почему? Почему ты позволяешь этому человеку контролировать себя? Ты сильная, умная женщина, Джини. Проснись. Они же ничтожества, эти людишки.

– Какие людишки, о ком это ты?

– О таких, как Джордж, – совершенно бесцеремонно продолжала ее подруга, пока они шли через парк. – Пассивно-агрессивных, навязчивых, любящих контролировать. Посмотреть на Джорджа, так можно подумать, он тише воды, ниже травы. Обаятельный, вежливый, тихий, не лишен чувства юмора.

Джини подумала, что это идеальный портрет Джорджа.

– Но, Джини, он... ну, выражаясь прилично, у него проблемы. Он слишком умен, чтобы показывать характер в моем присутствии, но иногда он выдает себя. Помнишь, на той неделе, когда он запретил тебе пить и чуть ли не силой уволок с вечеринки еще до того, как принесли пудинг?

Джини кивнула.

– Ты не хотела уходить, мы с Биллом заметили это, но ты позволила ему издеваться над собой. – В голосе Риты ясно чувствовалось раздражение. – Почему?

– Потому что... потому что он так волнуется.

– Волнуется? – Рита еле сдерживала возмущение. – Ты унижаешься перед ним, потому что он волнуется? Это же смешно. Из-за чего же он волнуется?

Джини покачала головой. Они дошли до верхнего конца Хайгейт-Хилл. Здесь их пути разошлись, Рита шла домой, на одну из зеленых улочек напротив Кенвуда, а Джини – к себе, в дальний конец Понд-Сквера. Они обе остановились на углу, возле автобусной остановки.

– Не знаю. Это же Джордж. Он не всегда был таким.

Ей до смерти захотелось, наконец-то, рассказать подруге о той ночи, когда Джордж отверг ее, когда все безвозвратно изменилось для них обоих. Но она не хотела, чтобы Рита еще больше презирала ее мужа. Кроме того, она не знала, как после стольких лет объяснить чудовищность того случая. Спустя столько времени она начала думать, не преувеличила ли она случившееся. Она знала, что пары часто перестают заниматься сексом и спят в отдельных спальнях; они так давно в браке. Однако она знала, что в тот день с Джорджем произошло что-то очень серьезное. Что-то, о чем он не мог рассказать ей, несмотря на все ее просьбы. А она и не представляла себе, что это могло быть.

– Что ж, – сказала Рита, – если он не всегда был таким, то и сейчас ему не стоит быть таким, да?

– Наверное. Но я не понимаю, почему... – пожала плечами Джини.

Рита ждала, но Джини ничего больше не сказала.

– Слушай, дорогая, важно вот что: ты не старая, ты работаешь и ты совершенно не хочешь переезжать за город. Так что все серьезно. Если тебя уволокли с вечеринки, это плохо, но не смертельно. А вот если тебя уволокут в Дорсет? За городом мерзко, не забывай: столько грязи, никакого стиля, элегантности, и фермерские магазины, где капуста, которая лежит там по полтора года, обойдется тебе вдвое дороже, чем государственный долг.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.